

СОРОК ТРЕТЬЕ ЗАСЕДАНИЕ

Среда 22 мая 1946 года, 11 ч. утра Хонтер колледж, Нью-Йорк

Председатель: Г-н А. ПАРОДИ (Франция)

Присутствуют представители следующих стран: Австралии, Бразилии, Египта, Китая, Мексики, Нидерландов, Польши, Соединенного Королевства, Соединенных Штатов Америки, Франции.

67. Предварительная повестка дня (S/65/Rev.2)

1. Утверждение повестки дня.
2. Доклад Генерального Секретаря Председателю Совета Безопасности относительно полномочий представителя Мексики в Совете Безопасности (S/67).
3. Иранский вопрос:
  - а) Письмо представителя Ирана от 18 марта 1946 года на имя Генерального Секретаря (S/15)¹³². Письмо представителя Ирана от 18 марта 1946 года на имя Председателя Совета Безопасности (S/15)¹³².
  - б) Письмо представителя Союза Советских Социалистических Республик от 19 марта 1946 года на имя Генерального Секретаря (S/16)¹³³.
  - в) Письмо представителя Соединенных Штатов Америки от 20 марта 1946 года на имя Генерального Секретаря (S/17)¹³⁴.
  - г) Письмо представителя Ирана от 20 марта 1946 года на имя Генерального Секретаря (S/18)¹³⁵.
  - е) Письмо представителя Союза Советских Социалистических Республик от 3 апреля 1946 года на имя Генерального Секретаря (S/24)¹³⁶.
  - ф) Письмо представителя Ирана от 2 апреля 1946 года на имя Генерального Секретаря (S/24)¹³⁶.
  - г) Письмо представителя Союза Советских Социалистических Республик от 6 апреля 1946 года на имя Председателя Совета Безопасности (S/30)¹³⁷.
  - h) Письмо представителя Ирана от 9 апреля 1946 года на имя Генерального Секретаря (S/33)¹³⁸.

- и) Письмо представителя Ирана от 15 апреля 1946 года на имя Председателя Совета Безопасности (S/37)¹³⁹.
- j) Письмо представителя Ирана от 6 мая 1946 года на имя Председателя Совета Безопасности (S/53)¹⁴⁰.
- к) Письмо представителя Ирана от 20 мая 1946 года на имя Генерального Секретаря (S/66)¹⁴¹. Письмо представителя Ирана от 20 мая 1946 года на имя Председателя Совета Безопасности (S/66)¹⁴¹.
- l) Письмо представителя Ирана от 21 мая 1946 года на имя Генерального Секретаря (S/68)¹⁴². Письмо представителя Ирана от 21 мая 1946 г. на имя Председателя Совета Безопасности (S/68)¹⁴².

68. Утверждение повестки дня

Повестка дня утверждается.

69. Доклад Генерального Секретаря относительно полномочий представителя Мексики в Совете Безопасности

Доклад принимается.

70. Обсуждение иранского вопроса (продолжение)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (говорит по-французски): Несколько дней тому назад Генеральный Секретарь и Председатель Совета Безопасности получили от иранского правительства телеграмму, которая сначала была понята как относящаяся к вопросу, включенному в повестку дня Совета. Позже Генеральный Секретарь получил от представителя Ирана другое письмо, датированное 20 мая, в котором названный представитель указывал, что хотя им не было получено вполне точных сведений относительно общего положения в его стране, он пришел к заключению, что поставленные Советом Безопасности условия не были выполнены.

Вчера иранское правительство прислало нам телеграмму, которая будет оглашена Помощником генерального секретаря.

А. А. СОВОЛЕВ (Помощник генерального секретаря по Департаменту Совета Безопасности)

¹³² См. Официальные отчеты, Совет Безопасности, первый год, первая серия, Дополнение № 2, приложение 2а.

¹³³ Там же, приложение 2б.

¹³⁴ Там же, приложение 2с.

¹³⁵ Там же, приложение 2д.

¹³⁶ См. двадцать девятое заседание.

¹³⁷ См. Официальные отчеты, Совет Безопасности, первый год, первая серия, Дополнение № 2, приложение 2е.

¹³⁸ Там же, приложение 2г.

¹³⁹ См. тридцать второе заседание.

¹⁴⁰ См. Официальные отчеты, Совет Безопасности, первый год, первая серия, Дополнение № 2, приложение 2и.

¹⁴¹ Там же, приложение 2ж.

¹⁴² Там же, приложение 2к.

(говорит по-английски): Текст телеграммы, отправленной г-ном Гавамом 21 мая 1946 года Председателю Совета Безопасности, следующий:

«Для получения сведений об обстановке, в которой проходит эвакуация во всех частях Азербайджана, я командировал из Тегерана комиссию, которая в течение одной недели произвела тщательное расследование в нижеследующих важных пунктах Азербайджанской провинции: Тавризе и его окрестностях, Маранде, Джульфе, Кхой, Салмасае, Маку, Ризайе и Мияндубе.

Телеграфные донесения комиссии указывают на то, что не найдено никаких следов советских войск, их снаряжения и транспортных средств и что, согласно заслуживающим доверия показаниям местных жителей, опрошенных во всех указанных пунктах, войска СССР были выведены 6 мая из Азербайджана».

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (говорит по-французски): В качестве Председателя Совета Безопасности я должен высказать сожаление, что первое из этих сообщений, сделанное от имени иранского правительства и отправленное из Нью-Йорка, было очевидно сформулировано при полном отсутствии каких-либо определенных инструкций иранского правительства, так что оно очень скоро было опровергнуто.

Г-н СТЕТТИНИУС (Соединенные Штаты Америки) (говорит по-английски): Прежде всего, позвольте мне приветствовать нашего коллегу, представителя Мексики г-на Падилья-Нерво, с которым многие из присутствующих на этом заседании должны быть уже хорошо знакомы по нашей работе в Лондоне в прошлом августе и в течение минувшей зимы. Я очень рад видеть его в качестве члена нашего Совета.

Я хотел бы предложить, чтобы Совет опять отложил рассмотрение иранского вопроса. Мое правительство не считает, что Совет располагает достаточными данными для принятия теперь же какого-либо окончательного решения. Ввиду противоречивых сообщений, относящихся к нынешнему тревожному положению в Иране, и принимая во внимание существующие затруднения и разногласия между СССР и Ираном, мое правительство сочло бы со стороны Совета Безопасности неправильным исключить иранский вопрос из числа дел, которые находятся на его рассмотрении.

Не следует забывать, что в своей резолюции от 4 апреля¹⁴³ Совет Безопасности предложил правительству Ирана и правительству СССР донести Совету к 6 мая, закончен ли вывод всех советских войск со всей территории Ирана. Правительство СССР не представило никакого доклада и не сделало никакого заявления по этому вопросу. Иранское правительство до сегодняшнего дня не было в состоянии дать какие-либо официальные сведения о положении в Азербайджане. Сегодня оно представило сообщение, которое заведомо не полно, так как касается лишь части Азербайджана.

Я задержусь на один момент, чтобы пропитывать поддержку из телеграммы, полученной на-

ми от представителя Ирана: «Телеграфные донесения комиссии указывают на то, что не найдено никаких следов советских войск, их снаряжения и транспортных средств» в некоторых пунктах «и что, согласно заслуживающим доверия показаниям местных жителей, опрошенных во всех указанных пунктах, войска СССР были выведены 6 мая из Азербайджана».

Я должен отметить, что эти сведения, сообщенные заслуживающими доверия лицами, относятся только лишь к восьми пунктам западной части Азербайджана. С точки зрения моего правительства это не может быть принято как убедительное доказательство, т. е. такое окончательное, определенное, категорическое доказательство, которое, по нашему мнению, должно было быть представлено нам, когда Совет в прошлый раз решил отложить рассмотрение иранского вопроса¹⁴⁴.

Мало того, мы не должны упускать из виду, что присутствие войск СССР на территории Ирана было только одним из пунктов разногласия между правительствами СССР и Ирана. По этим соображениям мое правительство твердо держится того взгляда, что Совет Безопасности в настоящий момент должен отложить дальнейшее рассмотрение этого вопроса.

Добавлю к этому, что мое правительство, как всем известно, с большим интересом следит за развитием иранского вопроса и подвергло недавно тщательному рассмотрению вопрос о том, чтобы по его инициативе Совет произвел расследование положения в Северном Иране, что могло бы помочь Совету установить, может ли это положение, если оно будет продолжаться, угрожать международному миру и безопасности.

Но я не хочу в настоящий момент вносить предложения о том, чтобы Совет принимал какие-либо меры в этом направлении. Я желаю только подчеркнуть, что, по мнению моего правительства, представляется в высшей степени желательным, чтобы Совет сохранил в списке рассматриваемых им дел иранский вопрос, отмечая этим тот неослабный интерес, с которым он относится к этому потенциально опасному и далеко еще не выясненному положению.

Сэр Александр КАДОГАН (Соединенное Королевство) (говорит по-английски): Я всецело присоединяюсь к тому, что было только что заявлено представителем Соединенных Штатов. В одном отношении я, быть может, пошел бы даже дальше.

С моей точки зрения Совет не может придать обсуждаемому нами сообщению решающее значение. По своему характеру и по своей форме оно по-моему представляет собой только предварительное сообщение. Оно не может считаться ни окончательным, ни бесспорным. В нем не говорится, что иранское правительство убеждено в полной эвакуации войск с территории Ирана. Правда, правительство сообщает, что оно уведомлено посланной им для расследования комиссией, что она не могла найти никаких следов советской армии, ее снаряжения и транспортных средств в некоторых перечисленных в сообщении пунктах, но оно не говорит, что этим

¹⁴³ См. тридцатое заседание.

¹⁴⁴ См. сороковое заседание.

доказывается факт полного завершения эвакуации всех войск СССР со всей территории, которую они раньше занимали.

Из различных дошедших до нас сведений совершенно ясно, что до самого недавнего времени тегеранское правительство было не в состоянии эффективно осуществлять свою власть в провинции Азербайджан. Я не могу не задать себе вопроса, пользовалась ли командированная в Азербайджан комиссия полной свободой передвижений и действий. По правде говоря, сообщенная ею информация оказывается полученной главным образом из вторых рук, хотя о ней и говорится, что она получена «от местных жителей, заслуживающих доверия». Поэтому я не могу считать это донесение ни окончательным, ни даже удовлетворительным во всех отношениях.

Если тегеранское правительство или его официальные представители не могут осуществлять свою власть в этой провинции и лишены полной свободы передвижения, то ясно, что они могли производить свои наблюдения и расследования только в тех местах, куда их допустили руководители повстанцев. Ввиду этого, я считаю это донесение неполным.

Я хотел бы задать несколько вопросов для более подробного выяснения позиции тегеранского правительства. Прежде всего, например, какая часть территории, занятой ранее войсками СССР, охватывается пунктами, перечисленными в этом последнем донесении?

Во-вторых, как я уже указывал, я хотел бы знать, в какой степени это донесение даст уверенность тегеранскому правительству в том, что эвакуация войск СССР закончена.

В-третьих, я хотел бы знать, какие шаги были предприняты комиссией, чтобы самой удостовериться и проверить сведения о том, что снаряжение и транспортные средства были действительно вывезены.

В-четвертых, было ли произведено расследование по поводу слухов, которые, я должен сказать, получили широкое распространение, что солдаты советской армии оставлены в Азербайджане в штатской одежде? Об этом ничего не упоминается в донесении, которое находится на нашем рассмотрении.

Если я могу показаться слишком мелочным в обследовании этого вопроса и представленного нам в настоящее время сообщения, я могу объяснить это тем, что мое правительство считает себя глубоко и непосредственно заинтересованным в нем, так как оно было одним из подписавших, вместе с правительством Союза Советских Социалистических Республик, Трехсторонний союзный договор от 29 января 1942 года¹⁴⁵, согласно которому войска должны были быть выведены к определенному числу в начале марта. Этот договор не был выполнен.

Факт нарушения этого договора был всеми признан и мое правительство немедленно обратилось с запросом к правительству СССР, прося его указать причины, помешавшие ему выпол-

нить этот договор. Мы не получили никакого ответа, и дальнейшее обращение по этому делу — я не вполне уверен, но мне кажется, что было несколько обращений, — ничего не выяснило. До сих пор, насколько мне известно, правительство СССР не дало никакого объяснения и не делало никаких попыток к оправданию своих действий, заключавшихся в охране войск на иранской территории после установленного в договоре срока. Оно действовало таким же образом и в отношении Совета Безопасности, не удостоив его никакими объяснениями по поводу принятого им курса в этом деле.

Это обстоятельство заставляет нас относиться к создавшемуся положению с некоторой, я бы сказал, подозрительностью и подвергнуть тщательной проверке все сведения, поступившие в наше распоряжение.

По приведенным мною соображениям я не могу рассматривать представленное донесение как исчерпывающее вопрос и считаю, как уже пытался объяснить, что по своему характеру оно является только предварительным донесением, на основании которого Совет не может принять никакого окончательного решения.

Г-н ЛАНГЕ (Польша) (*говорит по-английски*): Позвольте мне прежде всего выразить сожаление по поводу всей постановки иранского вопроса в Совете Безопасности.

15 апреля, кажется, мы получили письмо представителя Ирана, в котором он ясно заявлял, что иранское правительство берет обратно свою жалобу, поданную в Совет Безопасности. Я считаю весьма прискорбным, что внесенное г-ном Бонне, который был в то время представителем Франции, предложение о том, чтобы вопрос этот был снят с повестки дня, так как по нему достигнуто соглашение и жалоба иранского правительства взята обратно, не было принято¹⁴⁶.

Я должен напомнить Совету, что я предупреждал тогда, что принятие доктрины, согласно которой, после того как достигнуто соглашение, государству, представившему жалобу, не разрешается взять ее обратно из Совета Безопасности не только противоречит духу и букве Устава, но крайне опасно с политической точки зрения, так как, вместо содействия улажению и разрешению споров, этим создается разлад. Мне кажется, что это мое заявление нашло себе подтверждение в том, что, отказывая иранскому правительству в его праве взять свою жалобу обратно, Совет несколько не помог уладить дело. Этим был создан только разлад, и Иран был обращен в постоянную пешку политической игры великих держав.

Я хотел бы знать, остается ли в силе заявление иранского правительства, что оно берет обратно свою жалобу, или же письмо представителя Ирана, полученное нами 20 мая, указывает на перемену позиции, выраженной им в его письме от 15 апреля о взятии жалобы обратно. Поэтому я прежде всего желал бы знать, находится ли вообще на нашем рассмотрении какая-либо иранская жалоба, или нет.

¹⁴⁵ См. Официальные отчеты, Совет Безопасности, первый год, первая серия, Дополнение № 1, приложение 2b, стр. 22-24.

¹⁴⁶ См. тридцать шестое заседание.

Я вполне разделяю сожаление, выраженное Председателем по поводу содержания письма представителя Ирана от 20 мая, которое противоречит сообщениям, полученным нами день или два спустя от того же представителя, в которых он ссылается на заявление, сделанное премьер-министром его правительства. Заявление последнего, которое содержится в письме, находящемся сейчас на нашем рассмотрении, по-моему фактически исчерпывает вопрос.

Вопрос о том, может ли иранское правительство посылать своих представителей в Азербайджан или нет, является всецело вопросом внутренней политики. Мы читаем в газетах о происходящих будто бы конфликтах между провинциальными и центральными правительствами, но, за отсутствием доказательств противного, эти конфликты должны рассматриваться как вопрос внутренней политики Ирана.

Между тем, в последнем письме мы читаем, что назначенная центральным тегеранским правительством комиссия могла проследовать в Азербайджан и произвести расследования в Тавризе и его окрестностях и также в Маранде, Джульфе, Кхой, Сальмассе, Маку, Ризайе и Мияндуабе. Я посмотрел на карту и увидел, что эти пункты, про которые говорилось, что они расположены только в западных районах Азербайджана, фактически разбросаны по всей провинции и, как показано на карте, которую я передам Председателю Совета, некоторые из них находятся даже в самых восточных ее районах. Таким образом, означенное донесение касается, по-моему, всей провинции Азербайджан, о чем раньше высказывались некоторые сомнения.

Премьер-министр Ирана заканчивает свое письмо или телеграмму заявлением, что войска СССР были эвакуированы из Азербайджана 6 мая. Мне думается, единственное, что мы можем сделать, это принять заявление премьер-министра того же иранского правительства, которое первоначально подало на наше рассмотрение свою жалобу, и считать этот вопрос исчерпанным.

Г-н ван-КЛЕФФЕНС (Нидерланды) (*говорит по-английски*): Мне кажется, что мы обсуждаем вопрос, который специально затрагивает интересы Ирана. В Уставе говорится, что «любой член Организации, который не является членом Совета Безопасности, может принять участие, без права голоса, в обсуждении любого вопроса, внесенного в Совет Безопасности, во всех тех случаях, когда Совет Безопасности находит, что интересы этого члена Организации специально затронуты». Я думаю, что мы должны привлечь представителя Ирана к участию в наших прениях, не только по формальным соображениям о соблюдении положений Устава, но также и потому, что на вопросы, которые здесь были поставлены, представитель Ирана будет, быть может, в состоянии дать ответы, даже если они не будут иметь окончательного характера.

Что касается меня лично, то я должен сознаться, что действую ощущенью, не отдавая себе ясного отчета о том положении, в каком в настоящий момент находится Совет.

Может быть вы помните, что первая жалоба, полученная от Ирана, была подана в Совет Без-

опасности в Лондоне¹⁴⁷ и касалась советского вмешательства во внутренние дела Ирана. Вопрос этот был рассмотрен Советом, который вынес резолюцию¹⁴⁸, приемлемую как для правительства, принесшего жалобу, так и для правительства, против которого была выдвинута эта жалоба, после чего вопрос остался открытым для дальнейших переговоров.

Предельный срок, 2 марта, к которому войска СССР должны были быть эвакуированы согласно договору 1942 года, не был соблюден, и Совет Безопасности на своем первом заседании в Нью-Йорке занялся рассмотрением возникшего в связи с этим положением спора. Спор этот распался надвое: Иран жаловался, во-первых, на невыполнение эвакуации и, во-вторых, — на вмешательство в его внутренние дела. Начиная с этого момента, эти два вопроса всегда рассматривались отдельно.

Вы вероятно помните, что, когда Совет обратился к правительству СССР с предложением, чтобы оно завершило эвакуацию своих войск до 6 мая, представитель Ирана заявил, что, надеясь на удовлетворительное решение этого вопроса, он не желает в данный момент настаивать на второй части представленной Ираном жалобы, а именно — на вопросе о вмешательстве¹⁴⁹.

В письме от 20 мая содержатся пространные упоминания о вмешательстве. Значит ли это, что вопрос о вмешательстве советских властей в некоторых частях Ирана снова находится на рассмотрении Совета? Я хотел бы задать этот вопрос представителю Ирана. Если это так, то я думаю, что заявление, содержащееся в его письме от 20 мая, слишком неопределенно и во всяком случае не дает мне возможности составить себе ясное впечатление о том, каких размеров достигает это вмешательство в данный момент.

Я считаю, что Совет должен получить в связи с этим дальнейшие разъяснения, и вношу поэтому предложение о том, чтобы представитель Ирана был приглашен принять участие, без права голоса, в обсуждении этого вопроса.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-французски*): Угодно ли кому-нибудь высказаться по поводу только что внесенного представителем Нидерландов предложения?

Предложение принимается.

По приглашению Председателя, представитель Ирана г-н Гуссейн Ала занимает место за столом Совета.

Г-н ван-КЛЕФФЕНС (Нидерланды) (*говорит по-английски*): Должен ли я повторить вопрос, который был только что мною поставлен, и будет ли после этого предложено представителю Ирана ответить на мой вопрос? В таком случае, я хотел бы знать, находится ли жалоба, касающаяся вмешательства во внутренние дела Ирана, вновь на рассмотрении Совета.

Г-н АЛА (Иран) (*говорит по-английски*): С моей точки зрения первая жалоба, которая была

¹⁴⁷ См. Официальные отчеты, Совет Безопасности, первый год, первая серия, Дополнение № 1, приложения 2а и 2б.

¹⁴⁸ Там же, стр. 36.

¹⁴⁹ См. тридцатое заседание.

представлена Совету Безопасности в Лондоне, все еще на повестке дня Совета. В моем письме от 15 апреля, в котором я упоминал о разных сообщениях, полученных мною от моего правительства, я заявил, что, полагаясь на определенные обещания, данные послом СССР в Тегеране, иранский премьер-министр согласился взять обратно жалобу, которую он имел намерение внести и о которой мы все знали, а именно жалобу, касающуюся эвакуации советских войск из Ирана.

У нас были две жалобы, как это совершенно правильно указал представитель Нидерландов. Первая касалась вмешательства во внутренние дела Ирана, т. е. фактически такого положения, при котором советские должностные лица, агенты и военные власти препятствовали центральному правительству послать войска внутренней безопасности в северную часть Ирана, в Азербайджан, чтобы восстановить порядок и подавить беспорядки. В этом состояло непосредственное вмешательство, жалоба на которое была внесена на рассмотрение Совета Безопасности, но были также и другие случаи вмешательства.

После этого, как правильно отметил представитель Нидерландов, Совет привлек обе стороны к непосредственным переговорам по этим вопросам. Непосредственные переговоры происходили в Москве и не привели ни к каким результатам. Получился тупик. Между тем, назначенный по договору 1942 года срок для эвакуации войск из Ирана, 2 марта, наступил и прошел, без того чтобы войска СССР были эвакуированы. Наш премьер-министр находился в то время в Москве, как я уже доложил Совету на прошлом заседании, заявил протест и потребовал, чтобы данные Ирану торжественные обещания были исполнены. Так закончились переговоры по первому вопросу, который был представлен на рассмотрение Совета, причем не было достигнуто никакого результата.

После этого возник вопрос об эвакуации, являющийся предметом второй жалобы, изложенной в моем письме от 18 марта на имя Председателя Совета, в котором в то же время упоминается и о первом вопросе, касающемся вмешательства, так как последнее не прекращалось. Поэтому, как я понимаю, это письмо от 15 апреля относилось к вопросу об эвакуации, по поводу которой послом СССР в Тегеране были даны премьер-министру окончательные и повторные заверения, побудившие последнего просить, чтобы его жалоба была снята с повестки дня Совета.

Наступил день 6 мая, к каковому дню эвакуация должна была быть завершена. К этому дню, согласно имевшейся в нашем распоряжении информации, войска еще не были окончательно выведены из Ирана. Они были выведены из некоторых провинций Ирана, но по имевшимся в Тегеране сведениям все еще оставались в Азербайджане и, насколько мне известно, эвакуация их из Азербайджана — если она фактически и завершена — произошла значительно позднее этого числа.

Телеграмма, которую премьер-министр адресовал мне и которую я передал Совету, не категорична. В ней нет определенных указаний на то,

что все вооруженные силы эвакуированы из всех частей Азербайджана.

Теперь я позволю себе обратиться к тому, что было сказано Председателем Совета. Он выразил сожаление по поводу отправки мною моего письма от 20 мая, вслед за которым я послал ему второе письмо, противоречившее, по его словам, первому. Я должен напомнить Председателю, что я был связан предельным сроком, установленным Советом на 20 мая, для представления к этому дню тех сведений, которые были тогда в моем распоряжении. Я правдиво изложил реальное положение, не стараясь чего-либо скрыть. Я представил Совету конкретные факты. Я всегда стремился говорить правду и основывал мои заявления на последней официальной информации, которую я получал от моего правительства. На следующий день мною были получены новые сведения, и я считал своим долгом сообщить их Совету. Мне кажется, что во всем, что мною было сделано, я поступал правильно.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (говорит по-французски): Я благодарю представителя Ирана за данные им объяснения.

Г-н ЛАНГЕ (Польша) (говорит по-английски): Как и представитель Нидерландов, я хочу предложить представителю Ирана несколько вопросов. Перед нами письмо представителя Ирана, отправленное им 15 апреля, и в связи с этим письмом я хочу задать ему мой первый вопрос.

В этом письме говорится, что иранское правительство относится с полным доверием к слову и обещанию правительства СССР и ввиду этого берет обратно жалобу, представленную им Совету Безопасности. Мне было бы чрезвычайно интересно знать, потеряло ли иранское правительство свое доверие к обещанию правительства СССР и имеет ли оно конкретные доказательства, что войска СССР не были эвакуированы со всей территории Ирана. Я хотел бы также знать, сохраняет ли свою силу решение взять обратно жалобу из Совета Безопасности, или мы должны понимать положение в том смысле, что иранское правительство, изменив свое мнение, представляет нам новую жалобу. Я был бы очень признателен за категорический ответ — «да» или «нет».

Второй вопрос. Согласно ли правительство Ирана с заявлением, сделанным в Совете представителем Соединенных Штатов Америки? Я цитирую слова г-на Бернса, сказанные им на тридцатом заседании Совета: «В конце концов безоговорочная эвакуация является единственным здравым методом для разрешения вопроса о постороннем вмешательстве в дела иранского правительства». Или же правительство Ирана полагает, что у него имеются другие притязания в дополнение к требованию о выводе войск?

Третий вопрос. В том случае, если правительство Ирана считает, что, несмотря на вывод войск, вмешательство в его внутренние дела продолжается, я хотел бы знать, является ли СССР, по мнению иранского правительства, единственной великой державой, которая вмешивается в дела Ирана.

Последний вопрос. В письме, полученном нами вчера вечером, упоминался ряд городов про-

винции Азербайджана, из которых войска СССР оказались выведенными. Я хотел бы знать, все ли эти города расположены в западной части Ирана и включают ли они все важные центры провинции Азербайджан. Если нет, то какие из этих центров не фигурируют в указанном списке?

Г-н АЛА (Иран) (*говорит по-английски*): Что касается первого вопроса, я должен сказать, что мое правительство продолжает сохранять доверие к правительству СССР и твердо надеется, что разногласия между обоими государствами, если они действительно существуют, будут улажены дружественным путем.

По вопросу об эвакуации я передал Совету все факты, находящиеся в моем распоряжении. Я доносил Совету о всех сообщениях, полученных мною из Тегерана. 20 мая мною было заявлено, что была командирована комиссия по расследованию, но результаты этого расследования еще не получены. На следующий день я получил телеграмму, о которой сообщил Совету. В ней говорилось, что согласно телеграфным донесениям членов комиссии, расследования были произведены в различных пунктах, перечисленных в этих донесениях, и что, по заслуживающим доверия показаниям местных жителей, войска СССР были эвакуированы 6 мая. Но в означенной телеграмме нет категорического и определенного заявления об окончательной эвакуации войск из всего Азербайджана. Я повторяю, что в этом отношении телеграмма не категорична.

Иранское правительство не хочет относиться с недоверием к заявлению правительства СССР, но оно должно иметь возможность самому удостовериться в действительном положении вещей; между тем, говоря откровенно, иранское правительство не имеет власти в Азербайджане. Эта северо-западная провинция Ирана, составляющая его неотъемлемую часть, не находится в настоящее время под властью иранского правительства. Совет не может этого не знать, так как он в курсе всех фактов. Ему точно известна обстановка. Настоящее положение и наши затруднения вытекают из прошлого вмешательства в наши внутренние дела и являются его следствием.

Совет вспомнит, как кучка введенных в заблуждение людей проникла в Азербайджан и подняла там буйное восстание против центрального правительства. В то время войска СССР занимали всю северную часть Ирана, включая Азербайджан. Под защитой этих войск мятежники — это единственное имя, которое я могу им дать, — могли свободно передвигаться и прибегать ко всем средствам насилия, в то время как гарнизонам иранского правительства в Тавризе и разных других пунктах фактически был воспрещен выход из казарм, и иранское правительство оказалось не в силах послать какие-либо подкрепления для подавления беспорядков.

Подстрекаемые и ограждаемые войсками СССР, расквартированными в Азербайджане, эти мятежники были в состоянии укрепить свое положение, причем их сила растет с каждым днем, и в настоящее время мы имеем перед собой в самом Иране враждебную армию, не дающую возможности регулярной иранской армии проник-

нуть в неотъемлемую часть Ирана — Азербайджан. Эта враждебная армия была создана под покровительством вооруженных сил и агентов СССР, находящихся в Азербайджане. Она ими обучена и снаряжена и, как я слышал, чины этой армии одеты даже в советскую форму. Не составляет ли это вмешательства во внутренние дела Ирана?

Поэтому я повторяю, что мы, конечно, хотим сохранять возможно больше доверия к нашему соседу — Союзу Советских Социалистических Республик, и каждый здравомыслящий иранец не может не желать самых дружественных с ним отношений, но в то же время мы хотим, чтобы к нашей независимости, к нашей неприкосновенности и к нашему суверенитету относились с уважением.

В настоящий момент, сидя за этим столом, я не могу сказать Совету, что сейчас это вмешательство в наши внутренние дела в Азербайджане прекратилось, ибо, как мною уже было доложено, мы не имеем власти в этом районе, и иранское правительство не может командировать туда своих должностных лиц. Правительство сделало все от него зависящее, чтобы достигнуть соглашения с представителями Азербайджана в Тегеране. В своих переговорах премьер-министр зашел очень далеко, до пределов допустимого, чтобы удовлетворить их притязания. Но он нашел, что их притязания настолько велики, что принятие их фактически было бы равносильно созданию независимого государства. Они хотели иметь собственную армию, собственных военных начальников и собственные финансы. Премьер-министр пошел на все возможные для него уступки, и на этом переговоры были прерваны.

К концу этих переговоров посол СССР вступил в них в качестве дружественного посредника, но вместо применения своего морального влияния, как этого ожидал от него премьер-министр, чтобы убедить г-на Пишавари согласиться на предложенные премьер-министром семь пунктов, дальше которых он не мог пойти, оставаясь в рамках конституции и иранских законов, посол СССР стал настаивать, чтобы г-н Гавам принял требования мятежников. Это, по-моему, составляет также вмешательство во внутренние дела Ирана.

Первый вопрос, кажется, заключался в том, потеряли ли мы доверие? Я ответил на это: «Нет, мы не потеряли доверия». Мы продолжаем надеяться. Премьер-министр воодушевлен лучшими намерениями и преисполнен желания достигнуть удовлетворительного решения по всем этим пунктам. Но что касается снятия с повестки дня вопроса об эвакуации войск, которая должна была быть закончена 2 марта, потом 6 мая — и я не имею еще определенных, официальных сведений, что к 6 мая советские войска были окончательно выведены из Азербайджана, — то в силу изложенных мною соображений я не могу сказать, что этот вопрос должен быть снят с повестки дня.

Перехожу теперь ко второму вопросу, связанному с заявлением г-на Бернса. Г-н Ланге помнит, что, когда был поднят этот вопрос 4 апреля и была принята резолюция, я резервировал позицию иранского правительства. Я заявил, что, поскольку Совет Безопасности считает себя удов-

летворенным данными послом СССР заверениями в том, что войска будут эвакуированы не позднее 6 мая и что это будет безоговорочная эвакуация, мое правительство соглашается не настаивать в данный момент на рассмотрении представленных им двух спорных вопросов, т. е. вопроса о вмешательстве во внутренние дела и вопроса о выводе войск. Я заявил дальше, что мое правительство готово ждать до 6 мая, чтобы увидеть, что произойдет. Тут я и резервировал свою позицию. Правда, г-н Бернс заявил, что вопрос о выводе войск является основной проблемой, и в то время казалось и можно было надеяться, что с выводом войск прекратится и вмешательство во внутренние дела Ирана. К сожалению, это оказалось не так.

По третьему вопросу, является ли правительство СССР единственной державой, которая вмешивается во внутренние дела Ирана, я должен совершенно откровенно заявить, что мне неизвестно о вмешательстве какой-либо другой державы в настоящее время. Во время войны, с оккупацией нашей территории — лучше сказать с присутствием на ней — союзных вооруженных сил, конечно, происходило вмешательство в наши внутренние дела. Но с момента вывода из Ирана войск Соединенного Королевства и Соединенных Штатов, вмешательства в наши внутренние дела, насколько мне известно, не было вовсе. Соединенное Королевство в настоящее время не вмешивается в наши внутренние дела, и мне лично неизвестно ни о каком вмешательстве, за исключением создавшегося положения в Азербайджане, о котором я только что говорил.

Теперь мы переходим к четвертому вопросу: находятся ли все упомянутые в сообщении пункты в западной части Азербайджана? Судя по их названиям, я склонен думать, что да. Они не в восточной части, а скорее в западной части Азербайджана. Включают ли они все значительные центры? Упомянутая в сообщении часть Азербайджана не включает даже половины его, кроме того не все войска СССР были расположены в больших и малых городах. Их стоянки находились вне крупных населенных пунктов, они располагались в деревнях, а не только в главных центрах. Поэтому я не могу утверждать, чтобы из этой телеграммы можно было заключить, что комиссия объехала весь Азербайджан и что войска были выведены из всей этой провинции.

Г-н ЛАНГЕ (Польша) (*говорит по-английски*): Я благодарю представителя Ирана за его ответы и попрошу его уделить мне еще несколько минут, чтобы я мог получить разъяснение по трем дополнительным вопросам, которые связаны с его ответами.

Во-первых, представитель Ирана заявляет, что центральное правительство в Тегеране не имело возможности послать своих агентов в провинцию Азербайджан, а в то же время в письме, отправленном нам вчера, он говорит, что для получения информации премьер-министр командировал из Тегерана комиссию, которая произвела тщательное расследование в различных районах Азербайджана.

Из этого следует, что, несмотря на запрещение доступа в Азербайджан для представителей

иранского правительства, указанная комиссия была, повидимому, туда допущена. Или, может быть, эта комиссия производила свое расследование с самолета при помощи телескопа?

Во-вторых, если я правильно понял представителя Ирана, он не вполне уверен, были ли войска СССР выведены из всех частей Азербайджана. Вот заключительные слова телеграммы премьер-министра, переданной нам вчера вечером: «войска СССР были выведены 6 мая из Азербайджана». Я хотел бы определенно установить, должны ли мы, или нет, отнестись с доверием к словам премьер-министра Ирана и считать его заявление достоверным?

В-третьих, я хотел бы повторить вопрос, на который, мне кажется, я не получил ясного ответа. Может быть с моей стороны было неправильно задавать одновременно слишком много вопросов. Вопрос этот следующий: сохраняет ли свою силу решение взять обратно жалобу, содержащуюся в письме представителя Ирана от 15 апреля, или мы должны понимать его действия в том смысле, что он представляет нам новую жалобу?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-французски*): Представители Соединенных Штатов и Австралии просили слова. Желают ли они сделать свои заявления немедленно или, может быть, они предпочитают подождать до тех пор, когда представитель Ирана ответит на поставленные ему вопросы?

Г-н СТЕТТИНИУС (Соединенные Штаты Америки) (*говорит по-английски*): Я не хочу прерывать обмена мнений, происходящего между представителем Польши и представителем Ирана. Но я хочу заявить, что, после того как я выслушал то, что сказал г-н Ала, я еще более убедился в том, что было бы ошибкой снять рассматриваемый нами вопрос с повестки дня, и я настоятельно рекомендую, чтобы рассмотрение этого вопроса было перенесено на одно из следующих заседаний по назначению Председателя Совета.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-французски*): Я обращаюсь с тем же вопросом к представителю Австралии.

Г-н ХАСЛУК (Австралия) (*говорит по-английски*): Я хотел бы сделать только одно замечание по поводу того курса, который принял происходящий здесь обмен вопросов и ответов. Некоторые из этих вопросов — я не говорю исключительно о вопросах, поставленных представителем Польши, но также и о тех, которые были заданы раньше, — представляются как бы направленными на установление того, остается ли в силе жалоба, представленная иранским правительством на рассмотрение Совета. В этом отношении я должен напомнить членам Совета, что, хотя такого рода информация несомненно интересна и будет полезна для Совета, она не может оказать никакого влияния на главный вопрос о том, остается ли иранская проблема на рассмотрении Совета или нет.

Делегация Австралии неизменно держалась того взгляда, — и насколько мне известно он разделялся большинством членов Совета на за-

седании 4 апреля, — что независимо от того, поддерживает ли иранское правительство или какая-либо другая страна в споре внесенную в Совет жалобу, только сам Совет Безопасности может решить, продолжает ли она находиться на рассмотрении Совета.

Хотя нам несомненно интересно знать, берет ли иранское правительство обратно то или другое из сделанных им в связи с этим вопросом заявлений Совету, последним уже принято конкретное решение о том, что для иранского или какого-либо иного правительства нет необходимости представлять жалобу или поддерживать таковую. На предыдущих заседаниях Совет Безопасности постановил уже оставить на своем рассмотрении настоящий вопрос, и он может, независимо от желания сторон в споре, сохранять занятую ими позицию, и если только постановление Совета не будет отменено, то, по мнению делегации Австралии, вопрос этот совершенно правильно останется на нашем рассмотрении во всех своих аспектах.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-французски*): Я не был под впечатлением того, что вопрос, поставленный представителем Польши, имел целью возобновить обсуждение уже принятого Советом и включенного в нашу повестку дня решения. Насколько я понял, вопрос этот был направлен на то, чтобы получить определенную информацию о занятой иранским правительством позиции. Если бы это было не так, я бы сам напомнил, что по этому вопросу Советом Безопасности уже было принято решение. Но я все же хочу спросить представителя Польши, правильно ли я его понял.

Г-н ЛАНГЕ (Польша) (*говорит по-английски*): Председатель Совета понял меня совершенно правильно, и я хочу категорически заявить, что правительство Польши подчиняется всем решениям, вынесенным Советом Безопасности.

Г-н АЛА (Иран) (*говорит по-английски*): Обращаясь к первому вопросу представителя Польши о том, каким образом могла быть командирована комиссия, если иранское правительство не имело возможности посылать своих официальных представителей в Азербайджан, я объясню это очень легко. Эта комиссия представляет собою временную миссию, командированную, по всей вероятности, с одобрения тавризских властей, которые, может быть, утвердили даже список лиц, входящих в состав этой комиссии. Мне ничего не известно относительно телескопа или микроскопа, но я знаю, что комиссия отправилась в Азербайджан воздушным путем, причем использовалась для этой цели самолетом, принадлежащим СССР.

Что касается оставления рассматриваемого вопроса на повестке дня Совета Безопасности, я хотел сказать буквально то же, что было только что сказано представителем Австралии, а именно, что оставление этого вопроса на повестке дня было сделано на основании постановления Совета, причем Совет Безопасности предложил нам ряд вопросов, на которые мы дали тогда свои ответы. Мы считаем долгом иранского правитель-

ства считаться с резолюциями и просьбами Совета и давать своевременные ответы на все вопросы, которые он нам может задать. Иранское правительство действительно обратилось с просьбой, чтобы второй пункт его жалобы касающийся эвакуации войск, был снят с повестки дня, вследствие данных ему обещаний, что все советские войска будут выведены 6 мая. Я не могу сказать вам, какую позицию занимает мое правительство в настоящий момент, — желает ли оно, чтобы вопрос этот остался на повестке дня или нет, но я считаю своим долгом заявить, что, раз Совет постановил оставить этот вопрос на своей повестке дня, мы подчиняемся этому решению Совета и готовы отвечать на любые вопросы, которые Совет может нам предложить.

Я перехожу теперь к вопросу текста телеграммы. Если прочесть его более внимательно, то будет видно, что премьер-министр заявляет в ней следующее: «Телеграфные донесения комиссии указывают на то, что не найдено никаких следов советских войск, их снаряжения и транспортных средств и что, согласно заслуживающим доверия показаниям местных жителей, опрошенных во всех указанных пунктах, войска СССР были выведены 6 мая из Азербайджана». Надо читать эту телеграмму полностью, а не брать отдельных выдержек из ее текста.

Г-н ПАДИЛЬЯ-НЕРВО (Мексика) (*говорит по-английски*): Я рад воспользоваться первым же случаем моего участия в заседании Совета, чтобы выразить признательность моему достойному другу, представителю Соединенных Штатов, за высказанное им приветствие. Я считаю большой честью для себя возобновить работу в Совете Безопасности и сделаю все от меня зависящее, как от себя лично, так и в качестве представителя Мексики, чтобы содействовать успеху этой работы.

Я предлагаю отложить настоящую дискуссию, чтобы дать Совету возможность изучить некоторые вопросы, которые, по моему мнению, представляются вопросами большой важности и могут рассматриваться как дающие новое направление всей этой проблеме после того, что было высказано в ходе ее обсуждения, а также после тех вопросов, которые были поставлены представителем Ирана, и его замечаний.

Мне кажется, что в рассматриваемой нами проблеме имеются два или три аспекта, которые должны быть учтены членами Совета, прежде чем Совет сможет прийти к какому-либо решению по существу. Должно ли обсуждение этого вопроса быть отложено до какого-либо определенного дня с оставлением иранского вопроса на повестке дня, или же мы должны принять то или другое решение теперь же? Мы не должны упускать из виду следующее: хочет ли Совет оставить на своей повестке дня иранский вопрос в силу наличия вмешательства во внутренние дела Ирана или же на том основании, что Совет не удовлетворен той информацией, которая была сообщена ему представителем Ирана в ответ на запрос Совета на сороковом заседании? Или, может быть, желание Совета оставить вопрос на своей повестке дня основывается и на тех и на других соображениях?

По моему мнению, мы не должны забывать, что переданная нам информация может быть недостаточной, как на это указывает представитель Ирана в своем письме от 20 мая, когда он говорит, что «представляется сомнительным, чтобы могло быть произведено надлежащее расследование или чтобы иранское правительство могло сделать удовлетворительный доклад до тех пор, пока это правительство не будет иметь возможности в полной мере осуществлять свою власть на всей территории Азербайджана».

Из этого можно сделать несколько выводов, которые должны быть рассмотрены, прежде чем мы примем какое-либо решение по этому делу. Угодно ли Совету Безопасности ждать того момента, когда тегеранское правительство будет в состоянии осуществлять в полной мере свою власть на всей территории Азербайджана и представить Совету требуемую информацию, или же Совет желает принять меры по оказанию содействия правительству в Тегеране, чтобы вернуть ему всю полноту власти в провинции Азербайджан? Ответы на эти вопросы могут завести нас очень далеко.

Вопрос о вмешательстве должен быть также изучен в свете изменившегося положения. Первая жалоба, внесенная в Совет представителем Ирана в Лондоне 19 января, касалась вмешательства со стороны войск СССР, но в то время советские войска находились на территории Ирана согласно положениям Трехстороннего договора. Это было еще до 2 марта, причем первая резолюция Совета была принята 30 января.

Второй вопрос, по которому я не хотел бы в данный момент высказывать своего мнения, но который, как мне кажется, должен быть рассмотрен Советом, заключается в следующем. Если впоследствии члены Совета смогут удостовериться в том, что ни в какой части Ирана не осталось войск СССР, будем ли мы, несмотря на это, принимать в соображение другую сторону проблемы, а именно проблему о том, имеется ли налицо вмешательство или известная ситуация в Иране, которая является следствием непосредственного вмешательства, произведенного несколько ранее?

Я думаю, что ответы на эти вопросы имеют большое значение, и поэтому предлагаю, чтобы нам было дано время для изучения существующего положения, ввиду чего мы должны пока отложить обсуждение этого вопроса.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-французски*): Выступая не как Председатель, а в качестве представителя Франции, я хотел бы высказать некоторые соображения. Идя сюда, я считал, что полученная телеграмма, содержание которой нам казалось совершенно ясным, была такого характера, что она могла в значительной степени содействовать успеху в достижении удовлетворительного разрешения иранского вопроса. Я хочу напомнить, вам, что Совет Безопасности на сороковом заседании принял следующее решение:

«Совет Безопасности,

рассмотрев заявление, сделанное иранским правительством в своем предварительном докладе от 6 мая, представленном согласно резолюции Совета Безопасности от 4 апреля 1946 года, о

том, что оно к 6 мая еще не могло указать, завершен ли вывод всех советских войск со всей территории Ирана,

постановляет:

отложить дальнейшее рассмотрение дела, чтобы дать иранскому правительству время удостовериться через своих официальных представителей, выведены ли все советские войска из всего Ирана...».

Можно сделать вывод из этой телеграммы, исходящей от самого иранского правительства, — которое, по крайней мере, имеет то преимущество, что находится на месте, — что официально назначенная иранским правительством комиссия произвела расследование, которое продолжалось целую неделю и охватило ряд значительных центров Азербайджана. В этой телеграмме указывается, что комиссия в течение всей этой недели не встречала войск СССР, и отмечается также, если я правильно это понял, что, из произведенного ею опроса заслуживающих доверия лиц, она пришла к заключению, что 6 мая войска СССР были выведены из Азербайджана.

Обсуждение, которым мы занимаемся на сегодняшнем заседании, явилось результатом соображений, высказанных представителями Соединенных Штатов и Соединенного Королевства, которые считают, что было бы все-таки желательно получить дополнительную информацию. Вот почему они хотят, чтобы вопрос этот остался на нашей повестке дня.

Ввиду получения от иранского правительства телеграммы, которая, хотя и не дает желаемой информации, но все же содержит существенные факты, я хотел бы знать, не можем ли мы согласиться на компромиссное решение, заключающееся в том, чтобы оставить этот вопрос на повестке дня на короткое время, с тем условием, что если в определенный срок (например через восемь или десять дней) не будет получено какой-либо информации, которая противоречила бы сведениям, находящимся уже в нашем распоряжении, то вопрос автоматически снимается с повестки дня. Я позволяю себе формулировать это предложение и надеюсь, что представители Соединенных Штатов и Соединенного Королевства любезно согласятся принять его в соображение.

Сэр Александр КАДОГАН (Соединенное Королевство) (*говорит по-английски*): Я хотел бы напомнить, что находящийся в настоящий момент на рассмотрении Совета вопрос об эвакуации войск СССР с территории Ирана является вопросом, по которому Совету придется в свое время принять окончательное решение. Мне думается, что одной из необходимых предпосылок для принятия такого решения будет заявление иранского правительства, в котором оно удостоверит факт завершения эвакуации.

Я не нахожу такого заявления в полученной нами телеграмме. В ней не содержится ничего, что могло бы быть принято за удостоверение указанного факта иранским правительством. В нем дается информация — может быть интересная или даже важная информация. Но информация эта получена из вторых и фактически даже из третьих рук, так как она исходит от «заслуживающих доверия местных жителей» и передается

через посредство членов комиссии, но в ней не выражены взгляды правительства в Тегеране на конкретное положение, в котором находится в настоящий момент вопрос о выводе войск. Я не думаю, чтобы мы могли принять эту информацию как окончательную, и поэтому прошу, чтобы мы отложили рассмотрение этого вопроса в надежде, что он будет разъяснен и что мы получим от иранского правительства дальнейшую информацию, которая поможет нам принять решение по этому делу.

К сожалению я не могу принять предложенный компромисс о том, чтобы мы отложили рассмотрение настоящего вопроса на короткий срок, после чего считали бы дело автоматически улаженным, если только не будет получено новых фактов, меняющих обстановку. Я повторяю, что одной из необходимых данных, которую Совет должен иметь в своем распоряжении, прежде чем вынести постановление о снятии этого вопроса с повестки дня, является определенное заявление правительства Ирана, свидетельствующее о том, что страна совершенно очищена от войск СССР.

Г-н СТЕТТИНИУС (Соединенные Штаты Америки) (*говорит по-английски*): Я всецело разделяю мнение, высказанное представителем Соединенного Королевства.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-французски*): Я обращаюсь к представителю Соединенных Штатов, так как он высказался первым, и прошу сказать, предлагает ли он, чтобы наше обсуждение было перенесено на какой-нибудь определенный день или же чтобы оно было отложено *sine die*, пока мы не получим более полной информации по этому вопросу?

Г-н СТЕТТИНИУС (Соединенные Штаты Америки) (*говорит по-английски*): Я это всецело предоставляю на усмотрение Председателя.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-французски*): Мне указывают, что ввиду того порядка, в котором поступили предложения, я должен прежде всего поставить на обсуждение предложение представителя Мексики. Я обращаюсь к нему с тем же вопросом, т. е. считает ли он, что надо отложить обсуждение до определенного дня или на неопределенный срок?

Г-н ПАДИЛЬЯ-НЕРВО (Мексика) (*говорит по-английски*): Моя мысль заключалась в том, чтобы отложить обсуждение рассматриваемого нами вопроса на день или два для ознакомления с теми аспектами, о которых я говорил, и для принятия после этого решения о том, должен ли этот вопрос оставаться на повестке дня и если да, то на какой срок — *sine die* или же до какого-либо определенного дня.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-французски*): Угодно ли кому-нибудь высказаться по поводу предложения, как оно формулировано теперь?

Г-н ХАСЛУК (Австралия) (*говорит по-английски*): Я не могу уяснить себе, какое может быть практическое значение отсрочки рассматриваемого вопроса только на день или два. Если мы соберемся завтра или в пятницу, будем ли мы просто повторять наше сегодняшнее обсужде-

ние или же мы сможем подойти к сущности настоящего вопроса? Мне кажется, что главное соображение, которое выдвигалось до сих пор в пользу того, чтобы отложить наше обсуждение и не принимать никакого решения на настоящем заседании, заключалось в том, что в нашем распоряжении нет необходимой информации и что эта информация нам нужна для осмысленного продолжения нашей работы. Могу сказать без хвастовства, что указание на необходимость получения информации было одной из характерных черт всех замечаний, которые были здесь сделаны представителем Австралии. В этом отношении мы не меняем нашей позиции.

Мною ничего не было сказано по поводу конкретного предложения, выдвинутого представителем Соединенных Штатов, но в общем наша позиция в этом вопросе сводится к тому, что мы, во-первых, стоим за оставление этого вопроса на повестке дня, пока не будет принято определенного решения о его снятии, и во-вторых — за то, чтобы отложить рассмотрение вопроса на несколько дней. Мое личное мнение, которым я, однако, не хотел бы себя связывать, сводится к тому, что нам следует собраться на будущей неделе. Я хочу также определенно заявить, что как в вопросе об оставлении этой проблемы на нашей повестке дня, так и в вопросе об отсрочке обсуждения делегация Австралии руководствуется не только соображениями об эвакуации войск, но также и желанием более полного рассмотрения всех аспектов сложившейся в Иране обстановки.

Г-н ЛАНГЕ (Польша) (*говорит по-английски*): Я вполне согласен с представителем Австралии, что отсрочка нашего обсуждения на один или два дня не послужит никакой практической цели. Мне кажется, что рассматриваемая нами проблема была очень ясно определена представителем Соединенного Королевства, который заявил, что весь вопрос сводится к тому, чтобы удостовериться, выведены ли войска СССР из Ирана, или нет. У нас имеются сообщения представителя Ирана, включающие заявления, сделанные премьер-министром этого государства. Насколько я понимаю эти заявления, войска СССР выведены из Ирана, так как единственной сомнительной областью в этом отношении оставалась провинция Азербайджан, а между тем, согласно позднему заявлению, подписанному премьер-министром, советские войска были эвакуированы 6 мая из Азербайджана.

По-моему это заявление вполне авторитетно, и я возражаю против того, чтобы его можно было назвать сообщением, полученным из вторых или даже из третьих рук. В конце концов оно подписано премьер-министром Ирана, который является главой иранского правительства. Принимая, однако, во внимание, что некоторые из членов Совета не вполне убеждены в полной ясности этих заявлений, я думаю, что самый простой выход из положения заключался бы в попытке телеграммы иранскому правительству с запросом, считает ли оно вывод войск СССР установленным фактом. Но при этом я настаиваю, чтобы мы просили у иранского правительства прямой ответ — «да» или «нет», так как иначе мы будем в той же неопределенности, что и теперь. Я предлагаю

также, чтобы составление этой телеграммы было поручено Председателю Совета, который, если судить по его прежним выступлениям в Совете, даст ей ясную и точную формулировку.

Г-н ван-КЛЕФФЕНС (Нидерланды) (*говорит по-английски*): Я думаю, что положение иранского правительства и без того достаточно трудно, чтобы мы не делали его еще более трудным, задавая ему лукавые вопросы, вроде тех, которые предложены представителем Польши. Я предлагаю отложить обсуждение иранского вопроса до какого-нибудь дня в близком будущем, когда Совет может быть созван по просьбе любого из его членов.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-французски*): Нам необходимо прийти к какому-нибудь решению, и поэтому я хочу узнать мнение Совета, сперва по вопросу об отсрочке заседания, а затем по вопросу о посылке телеграммы. Что касается первого вопроса, я поставлю на голосование предложение представителя Мексики о том, чтобы отложить дальнейшее обсуждение на два дня.

Г-н ПАДИЛЬЯ-НЕРВО (Мексика) (*говорит по-английски*): После выслушанных мною сообщений представителя Соединенного Королевства, в которых он указывал, что находящаяся на рассмотрении Совета проблема сводится к вопросу о выводе войск СССР из Ирана, а также после замечаний, сделанных представителем Польши, и принимая во внимание, что не было высказано никаких возражений, я не вижу необходимости настаивать на предложении, которое я сделал, и беру его обратно.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-французски*): Если представитель Соединенных Штатов разделяет предложение, внесенное представителем Нидерландов, я предлагаю поставить на голосование вопрос об отсрочке заседания на короткое время, с тем что Совет будет созван по просьбе одного из его членов.

Г-н СТЕТТИНИУС (Соединенные Штаты Америки) (*говорит по-английски*): Я поддерживаю

предложение, внесенное представителем Нидерландов.

Г-н ЛАНГЕ (Польша) (*говорит по-английски*): У меня есть один вопрос. Вытекает ли из принятия этого предложения, что мы не пошлем иранскому правительству телеграммы с просьбой дать нам ясный ответ, может ли оно удостоверить факт вывода войск СССР, или нет? Мне кажется, что мы должны сделать все от нас зависящее, чтобы покончить с рассматриваемым нами вопросом.

Сэр Александр КАДОГАН (Соединенное Королевство) (*говорит по-английски*): Что касается мысли о посылке телеграммы иранскому правительству, я склонен согласиться с тем, о чем говорил представитель Нидерландов, что может быть нам не следует задавать иранскому правительству прямых вопросов, которые могут поставить его в затруднительное положение. В этом отношении я должен отметить, что мы можем воспользоваться присутствием на нашем заседании представителя Ирана. Я полагаю, что он сообщит о ходе наших прений своему правительству, и последнее во всяком случае поймет, что одним из элементов, необходимых для принятия нами окончательного решения, является простое заявление о том, завершена ли эвакуация советских войск или нет. Поэтому, если мы отложим наше обсуждение на несколько дней, мы можем надеяться, что за это время мы получим какие-то определенные сведения от иранского правительства. По этим соображениям я поддерживаю предложение представителя Нидерландов.

Производится голосование поднятием рук.

Предложение принимается 9 голосами против 1.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-французски*): Мы переходим теперь к голосованию предложения польского представителя о том, чтобы Совет отправил телеграмму иранскому правительству.

Производится голосование поднятием рук.

Предложение отклоняется 8 голосами против 2.

Заседание закрывается в 1 ч. 40 м. дня.